

Л

3.10.89

Левый край, 1979, Зорин, №40

— Леонид Генрихович, 14 лет назад вашей статьей в журнале «Театр» открывалась дискуссия о взаимоотношениях драматурга и режиссера. Вы утверждали, что театр наших дней режиссерский, всячески приветствовали его, верили в союз режиссера и драматурга.

С тех пор театр стал, если так можно выразиться, еще более режиссерским. Как вы сейчас оцениваете перспективу отношений режиссера и драматурга? Насколько я могу судить, тот конфликт, в устранимость которого вы верили, затронул и вас?

...и техническая оснащенность актеров направлены на то, чтобы ограничить литературную беспредельность первоисточника.

— Стало быть, вы решительно не одобряете, когда режиссер смотрит на классическую пьесу своими глазами и предлагает свое прочтение?

— Это совсем другое дело. Прошел век или несколько веков, театр хочет, чтобы старая пьеса была не только старым, но и грозным оружием. Желает

ДРАМАТУРГ О ТЕАТРЕ

Леонид
ЗОРИН

«НЕТ НИЧЕГО ВЫШЕ СЛОВА...»

— Когда режиссерский театр утвердился, больше всего его приветствовали писатели, ибо режиссер всегда был связующим звеном между литературой и сценой. Однако чем дальше, тем больше ситуация становилась аналогичной той, что обрисована в «Золотом теленке». Тихих, робких пешеходов, которые изобрели автомобиль, автомобили начали давить. Естественное режиссерское самовыражение перерастает в самоутверждение. А это явление совсем другого порядка. Создается впечатление, что постепенно режиссерский театр, сознательно или подсознательно, становится самоцелью.

...ние приблизить ее к нам правомерно, и вопрос только в чувстве меры и такта. Представим такой фантастический случай — некий чужак режиссер, откопав мою пьесу, замыслил бы показать ее лет через сто. За счастье участвовать в этой совершенно неведомой жизни я готов дать этому режиссеру право интерпретировать меня так, чтобы я был интересен его зрителю. Но я не готов дать те же права моему современнику. Потому что мы в одинаковом положении. Я знаю, для кого и для чего я написал пьесу, и не спешу раньше времени умереть в режиссере... Однажды один из них, причем одних самых любимых, упрекнул меня, что я сужу о его спектакле, исходя... из пьесы (в данном случае — не моей).

Этот упрек весьма характерен; его непосредственность почти обезоруживает.

— Может быть, все дело в неизбежном и необходимом различии между спектаклем и пьесой?

— Постараюсь пояснить свою мысль. Я как-то спросил одного очень одаренного режиссера: скажите честно, какую пьесу вы предпочитаете ставить — хорошую или среднюю? Он крепко задумался и не слишком решительно сказал: наворонное, хорошую.

Так вот, я в этом не убежден. Дело в том, что пьеса несовершенная дает больше возможностей для самовыявления постановщика, для демонстрации его достоинств. Впрочем, эти режиссерские усилия отнюдь не всегда вынуждают недостатками пьесы. Даже признанный мастер драмы Шекспир сплошь и рядом подвергается сценической адаптации за счет своих чисто литературных качеств. Порой возникает впечатление, что фантазия постанов-

...Вы говорите, что писатели потому приветствовали режиссерский театр, что он знаменовал собой приход в театр настоящей литературы. Но так ли это? И Гоголь, и Островский явились задолго до режиссерского театра, но создали великую русскую драму...

— Разумеется, великая драматургия существовала до Станиславского и Немировича-Данченко. Я и твержу все время о ее независимости и первородстве. Но только при появлении истинной режиссуры

...пьеса перестала быть репертуаром и стала идейно-эстетической программой. Великие реформаторы театра отлично понимали ее значение. Немирович, как известно, не раз подчеркивал, что театр существует для драматической литературы. Что-то теперь не слышно таких деклараций. Да и не в декларациях дело, а в практике. Она же рождает впечатление, что театр легко уживается с пьесой, которую можно менять, дописывать, в которой слово приблизительно, синонимы допустимы, а сцены можно и переставить.

А что касается Гоголя и Островского, то почитайте их письма. Сплошные жалобы... «Ревизор» сыгран, и у меня на душе так смутно...»

— Возможно, такова уж судьба драматурга. Театр всегда будет утверждать: я дорожу литературной основой, но я самостоятельное искусство. Вы написали пьесу — прекрасно. Дайте мне теперь ее поставить.

— Я не раз давал ему эту возможность. И всегда храню благодарность Лобанову, Товстонагову, Симонову, Львову-Анохину, Ефремову. Я мог бы назвать и еще имена, и

...все же все чаще я ощущаю, что не очень верно выбрал профессию.

— И это говорите вы после того, как написали три десятка пьес и их поставили сотни театров!

— И тем не менее это так. Я понимаю, что слова мои звучат странно. Но у театра свои задачи, своя не всегда понятная точка отсчета, «своя игра». Да и общение с людьми театра не такое простое дело. Мне надо было работать в прозе.

— Один критик высказал как-то мысль, что большинство ваших пьес являются прежде всего пьесами для чтения.

— Думаю, так оно и есть. Литературная сторона имеет для меня первостепенное значение.

— Больше, чем сценичность?

— Законы сценичности не определены раз и навсегда. Да и представления о ней могут измениться. Но мне говорят: вот у вас в «Царской охоте» выходит на сцену Гоцци и произносит монолог на три страницы, не имеющий никакого отношения к сюжету. А еще через несколько картин появляется Фонвизин, без которого

...ском писателе» вышел мой одномник, в котором я собрал все наиболее важное для меня, — ни одна премьера не даровала мне столько радости.

— Должно быть, вы единственный драматург, который публикацию пьесы предпочитает постановке. Куда чаще встретить противоположное. Да и вообще есть мнение, что пьеса не существует вне сцены.

— Есть пьесы, которые не существуют вне сцены. Но, к счастью, это не относится ко всем пьесам.

— Автору дороги все его дети, но у вас, верно, есть любимые пьесы?

— Конечно.

— И это не те, которые выдержали рекордное число постановок. «Варшавская мелодия», кажется, была поставлена в 150 театрах?

— Примерно. Но не эта пьеса — мой фаворит.

— Какую же из своих пьес вы считаете лучшей?

— Тут даже сомнения быть не может — «Медную бабушку». Ее поставил один лишь МХАТ. Затем я бы назвал «Диона».

— Что заставляет вас братья за исторические пьесы?

интрига развивалась бы стремительнее. Зачем они вам?

Написав тридцать пьес, я знаю, что такое действие и что такое интрига. Но я знаю и то, что сюжет сам по себе дешевит тему. Что необходима интеллектуализация сюжета. Что «Царскую охоту» очень просто свести к мелодраме. Что нужны и Гоцци, и Фонвизин, и Дашкова, и Кустов. Их пребывание в пьесе придает ей особый воздух.

Да, я слышал, что в пьесе допустимы дежурные реплики, даже сцены, необходимые для разрядки. Но я помню, что мне отпущены всего-навсего семьдесят страниц. Тут должно работать каждое слово. Я и впредь буду добиваться наибольшего давления на строку, наибольшей плотности.

— Стало быть, вы заранее «планируете» свой конфликт с театром?

— Я об этом не думаю. Я просто пишу, как считаю нужным. Но бывало, что мне на читке пьесы удавалось достичь большего контакта с артистами, чем впоследствии артистам при ее воплощении — со мной и с залом. Дело, разумеется, не в том, что я исполнял пьесу лучше — я читаю посредственно, — дело в том, что я точный доносил слово и мысль.

— А вы видите зрительный зал, когда пишете?

— Видеть зрительный зал важно, но еще важнее его уважать. Я знаю, что публика — понятие разнородное. Но если вы хотите сделать что-нибудь стоящее, вы должны говорить с ней только на равных.

— И все же вы предпочитаете читателя зрителю?

— Что делать, только когда пьеса опубликована в печати, я испытываю истинное удовлетворение. Сейчас в «Совет-

— Вы знаете, я не разделяю пьесы на исторические и современные, хотя в одномонике, о котором упомянул, классифицировал их по этому признаку. Для меня важнее иные связи. Например, связь «Царской охоты» с «Лирической трилогией», связь с «Палубой», «Варшавской мелодией», «Транзитом». Хотя по другим каналам можно объединить «Диона» и «Медную бабушку». Относительно причины интереса к истории я ничего оригинального не скажу. Желание понять настоящее и будущее через прошлое характерно для каждого человека, обращающегося к прошлому.

В моей жизни была счастливая минута, когда один из выдающихся наших историков сказал в своем публичном выступлении, что иногда произведения литературы помогают науке кое-что прояснить в существе исторической ситуации, и в качестве примера привел моих «Декабристов».

— Сейчас много говорят о провинциальности прозы на сцену. Многие театры ставят не инсценировки даже, а повести и романы. Похоже, что театр идет на выучку к литературе. Не следует ли из этого, что вам не стоит думать о прозе?

— По-моему, как раз наоборот. А вдруг именно как прозаик я буду интересен театру? Но если говорить серьезно, то ведь это не случайно, что у меня нет своего театра, своего режиссера. Не случайно, что я редко хожу в театр, особенно на собственные спектакли. Даже актерская оговорка, замена одного слова другим, доставляет мне физическое страдание.

— Когда вы написали свою последнюю пьесу?

— Два с половиной года назад.

— С тех пор, как я знаю, вы были заняты прозой. И все-таки вы намерены вернуться к драматургии?

— Строго говоря, я ее не бросал. Много лет я занимаюсь пьесой, которая называется «Алексей». Разумеется, мне хотелось бы довести ее до конца, однако требования к себе все растут, и кто знает, сбудется ли это желание.

Но на будущее драматургии я смотрю оптимистично. Появляются молодые драматурги, причем истинные литераторы. Думаю, что драматургия не исчезнет ни под натиском прозы, ни под нажимом театра. Потому что она принадлежит литературе. Потому что нет ничего выше и прекраснее Слова. Особенно, когда оно незаменимо. ...Когда-то на театре буквально гремела пьеса Невежина «Вторая молодость». Это был поистине феерический успех. Однажды на вопрос Чехова, что пишет он нового, автор всплеснул руками: «Разве после «Второй молодости» можно еще что-нибудь написать?»

Бедный трогательный Невежин. Где ты, «Вторая молодость»? Где овации, грохот, все эти пестрые театральные страсти?

Нет, для того чтобы понять цену пьесы, ее необходимо напечатать. И тогда выясняется, сколько она стоит.

Не больше. Но и не меньше.

Беседу вел А. ЛАТЫНИНА